

between the non-verbal and verbal parts of the communicative act. The pragmatic one is connected with the purposeful transfer of information and the generation by means of somaticon of new discursive meanings.

Keywords: *somaticon, ontological functions, pragmatic functions, instrumental functions, non-verbal semiosis, discursive practices.*

УДК 81'42:821.161.1(092)

Степанченко И. И.
Харьковский национальный педагогический университет
имени Г. С. Сковороды

О ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЙ СВЯЗНОСТИ ТЕКСТА С ПОЗИЦИЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ С. ЕСЕНИНА “ПИСЬМО МАТЕРИ”)

В статье рассматривается связность как основная текстовая категория, определяющая в функциональном аспекте формирование содержания в акте рецепции. Связность текста носит парадигматический характер, поскольку читатель в процессе восприятия переструктурирует текст, переходя от языковой синтагматики к образно-понятийной парадигматике. На материале стихотворения С. Есенина “Письмо матери” показан процесс объединения “предметных” образов в парадигмы и образования связей между частными парадигмами в гиперпарадигме целого текста.

Ключевые слова: *связность, функционализм, парадигма, “предметные” образы, образно-понятийные связи.*

Традиционно связность (когезия) рассматривается как одна из основных характеристик текста. Понимание сущности связности зависит от исходных методологических посылок исследователя, определяется общим подходом к тексту и различается в разных лингвистических теориях. Связность текста с позиций функционализма определяется общими особенностями функционального подхода к тексту. Связность обнаруживается в процессе восприятия текста читателем и обеспечивает понимание читаемого.

С функциональной точки зрения, текст является единицей акта коммуникации, в который включены, кроме материи (формы) текста, автор и реципиент. Содержание текста представляет собой активную мыслительную деятельность автора в процессе создания текста и активную мыслительную деятельность реципиента в процессе восприятия текста.

В функциональном аспекте в отличие от традиционного структурального содержание текста предстает как структура, включающая в себя взаимосвязанные и в то же время противопоставленные друг другу уровни мышления и языка. Единицами мыслительного уровня являются перцептивные образы разной модальности и степени обобщенности, отражающие окружающий предметный мир. Такие образы условно могут быть названы “предметными”. Единицами языкового уровня являются т.н. вербальные образы, т.е. отражение в сознании человека материальной стороны языковых единиц – букв и звуков. Законы, лежащие в основе функционирования единиц каждого уровня, различны. Законы оперирования “предметными” образами определяются знаниями реципиента об окружающем мире и проявляются на т.н. образно-понятийном (неязыковом, мыслительном) уровне содержания текста, законы оперирования словами определяются знанием языка и проявляются соответственно на

языковом уровне. В основе вербального коммуникативного акта лежит взаимосвязь, совмещение, пересечение этих систем, «наложение» одной системы на другую.

Восприятие текста происходит прежде всего на уровне синтагматически связанных языковых единиц, которые генерируют в сознании воспринимающего “предметные” образы, хранящиеся в памяти. Связи между вербальными образами и “возбужденными” ими “предметными” образами не совпадают: на языковом уровне первое слово линейно связано со вторым, третьим и т.д., при этом “предметный” образ, “возбужденный” первым словом текста, может оказаться связанным с последним словом, которое не связано с первым на языковом уровне. Следовательно, в акте рецепции происходит переструктурирование текста: осуществляется переход от синтагматически связанных на языковом уровне слов (вербальных образов) к парадигматически организованным структурам “предметных” образов на образно-понятийном уровне. Сказанное не исключает как частный случай объединение в одной парадигме “предметных” образов, которые генерируются вербальными образами, связанными синтагматически, что еще раз свидетельствует об относительности противопоставления парадигматики и синтагматики (подробнее об этом см. в [3]). Об относительности этого противопоставления свидетельствует также переход парадигматических отношений морфологического уровня в синтагматические в структуре поэтического текста, описанный Е. А. Скоробогатовой в [4]. В целом же трудно не согласиться с Ю. Н. Карауловым, отмечавшим, что текст соотносится с действительностью в парадигматике [2] (Подробнее о функциональном подходе см., в частности, в [3; 5]). Иными словами, чтобы понять текст, необходимо соотнести, связать друг с другом “предметные” образы, генерируемые словами, не обязательно связанными друг с другом на уровне языка. Под связностью, таким образом, с позиций функционализма понимаются переходы от одной единицы текста к другой на образно-понятийном уровне его содержательной структуры, обеспечивающие понимание, интерпретацию текста реципиентом.

Рассматриваемая таким образом связность формируется в акте рецепции текста в сознании воспринимающего и носит субъективный характер. Именно вариативность парадигматической связности единиц текста на образно-понятийном уровне определяет вариативность содержания текста, рассматриваемого в функциональном аспекте, и его субъективность.

По-иному рассматривается связность с позиций структурализма. В классическом труде И. Р. Гальперина “Текст как объект лингвистического исследования” текст определяется как связанные логически, грамматически и т.д. сверхфразовые единства [1, с. 18], т.е. связность текста с позиций структурализма рассматривается как синтагматическая связность сверхфразовых единств.

В отличие от такого понимания связности рассматриваемая в функциональном аспекте связность текста носит не “горизонтальный” синтагматический характер (линейная связь между единицами текста, в частности, между сверхфразовыми единствами, по И. Р. Гальперину), а “вертикальный” – парадигматический.

Цель статьи – рассмотреть на конкретном материале поэтического произведения парадигматическую связность текста с позиций функционализма, обеспечивающую его понимание реципиентом, т.е. представить связность текста как парадигматическую систему связей между его единицами на образно-понятийном уровне, формирующую содержание в акте рецепции.

С некоторой долей условности парадигматические связи в тексте можно разделить на два типа. Во-первых, такого рода связи могут объединять в систему

соответствующие “предметные” образы внутри одной парадигмы, во-вторых, формировать межпарадигмальные связи в составе гиперпарадигмы целого текста или ряда текстов.

Проиллюстрируем сказанное анализом парадигматической связности стихотворения С.А. Есенина “Письмо матери”.

Основная оппозиция, лежащая в основе парадигматической организации текста и определяющая раздвоенность художественного мира анализируемого стихотворения, – ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ. НАСТОЯЩЕЕ – это ощущение перепахутия, на пути от прошлого – “Москвы кабацкой” – к неведомому будущему. Эта оппозиция формирует три основные парадигмы.

Прошлое связано в сознании лирического героя с детской идиллической сказкой: НАД ИЗБУШКОЙ СТРУИТСЯ ВЕЧЕРНИЙ НЕСКАЗАННЫЙ СВЕТ – свет, полный для лирического героя неповторимой прелести, неяркий, скрытый в вечернем полумраке. Через строфу этот же свет оценен с позиций матери, тревожащейся за сына, как ВЕЧЕРНИЙ СИНИЙ МРАК. ВЕЧЕРНИЙ НЕСКАЗАННЫЙ СВЕТ и ВЕЧЕРНИЙ СИНИЙ МРАК – описания одного и того же явления, связываются в сознании воспринимающего как антонимичные (конверсные) благодаря противоположным коннотативным характеристикам. Они противопоставляют два мира, два отношения к жизни – мир матери, мир прошлого, мир истоков, приюта и мир мятежной тоски сына.

Эти два образа и две оценки, несмотря на окказиональную антонимичность, объединены связью с образом вечера (ВЕЧЕРНИЙ). Образ рассвета, включенный в ту же временную парадигму (ТОЛЬКО ТЫ МЕНЯ УЖ НА РАССВЕТЕ...), распространяет антонимичность по другой линии, сближая антонимы и приближая их к синонимам: ВЕЧЕР – РАССВЕТ. РАССВЕТ, как и ПО-ВЕСЕННЕМУ РАСКИНУТЫЕ ВЕТВИ БЕЛОГО САДА, – символ обновления, начала новой фазы бытия лирического героя. В то же время ВЕЧЕР и РАССВЕТ сближаются на образно-понятийном уровне: именно в эту переходную пору суток царят приглушенность и смазанность красок, именно с вечером и рассветом в сознании читателя связаны ощущения таинственности и первозданности. Диалектически противоречивый характер отношений между членами парадигмы, синонимичность антонимов и антонимичность синонимов – характеристика раздвоенного мира, в котором живет лирический герой.

Мир прошлого в диалоге лирического героя с матерью предстает достаточно неопределенным, туманным. Семантика намека формируется, в частности, благодаря местоимению ТОТ: ТОТ ВЕЧЕРНИЙ НЕСКАЗАННЫЙ СВЕТ, НЕ БУДИ ТОГО..., НЕ ВОЛНУЙ ТОГО... . Это намек на воспоминания, известные лишь одному лирическому герою.

Мир настоящего определяется двумя противопоставленными парадигмами – “лирический герой” и “отношение лирического героя к миру прошлого”. В одну и ту же реку нельзя войти дважды, лирический герой уже не тот, что раньше. С одной стороны, он сохранил НЕЖНОСТЬ В ДУШЕ, с другой – ПРОПОЙЦА (хотя и НЕ ТАКОЙ УЖ ГОРЬКИЙ). Парадигма ТОСКА МЯТЕЖНАЯ; ТО, ЧТО ОТМЕЧАЛОСЬ; ТО, ЧТО НЕ СБЫЛОСЬ; РАННЯЯ УТРАТА И УСТАЛОСТЬ, которую ДОВЕЛОСЬ ИСПЫТАТЬ В ЖИЗНИ, создает у читателя неясное, неотчетливое чувство безысходности пути лирического героя, раздвоенности его мироощущения.

Доминанты парадигмы «отношение лирического героя к миру прошлого» – МЕЧТАЮ ВОРОТИТЬСЯ В НИЗЕНЬКИЙ НАШ ДОМ и К СТАРОМУ ВОЗВРАТА

БОЛЬШЕ НЕТ. Неразрешимое противоречие между этими двумя чувствами – источник трагедии лирического героя: исцелить больную душу может только возвращение к истокам, а сама возможность такого возвращения отрицается лирическим героем (не случайно восьмикратное повторение отрицательной частицы НЕ).

Вне контекста есенинского творчества и есенинской биографии причины ТОСКИ МЯТЕЖНОЙ необъяснимы (ТОСКА МЯТЕЖНАЯ – по какому поводу?; РАННЯЯ УТРАТА – чего?; УСТАЛОСТЬ – от чего?; что ОТМЕЧАЛОСЬ; что НЕ СБЫЛОСЬ?), они предстают как вечные качества русской души. Конкретные причины трагизма ощущений лирического героя скрыты за местоимением ТОТ. Конкретизация происходит в сознании читателя и связана с читательским индивидуальным жизненным опытом. В стихотворении присутствует некоторый эмоциональный каркас, эмоциональная схема, которая близка каждому воспринимающему и каждым воспринимающим наполняется индивидуально. Возможно, в этом отчасти и заключен секрет популярности есенинского стихотворения.

Еще один аспект противопоставления ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ, представлен парадигмой “отношение лирического героя к матери”, которая объединяет мир прошлого и настоящего.

Стихотворение написано в форме письма, диалогично по своей внутренней структуре. В нем постоянно ощущается присутствие собеседника. Диалогичность поддерживается на протяжении всего произведения формами глагольного императива: УСПОКОЙСЯ, ПУСТЬ СТРУИТСЯ, НЕ ВОЛНУЙ, НЕ БУДИ, НЕ УЧИ, НЕ ЗАБУДЬ, НЕ ГРУСТИ, НЕ ХОДИ, а также местоимениями ТЫ, ТЕБЕ, формами обращений МОЯ СТАРУШКА, РОДНАЯ и др. Этот диалог воспринимается не только как диалог между двумя конкретными персонажами, но и как диалог между прошлым и настоящим, между мечтой и действительностью.

Первые две строки первой строфы – установление контакта между собеседниками, между Я и ТЫ:

Ты жива еще, моя старушка?

Жив и я. Привет тебе, привет!

Сын и мать живы. Это не просто утверждение факта биологического существования. Слово “ЖИТЬ” в контексте есенинского творчества ассоциируется с бурей революционных лет, пронесшейся над героями, в которой они выстояли, сохранив разделенную расстоянием и временем любовь друг к другу.

Следующая, вторая строфа оказывается симметричной по отношению к заключительной (девятой) строфе. Это завязка лирического сюжета, которая следует за вступительной частью, характерной для эпистолярного стиля. Композиционно стихотворение завершается повторением (за исключением первой строки) второй строфы с отрицанием НЕ, изменяющим ее смысл на прямо противоположный. Этот вывод завершает развитие линии отношений матери и сына – внешней сюжетной канвы стихотворения, за которой скрывается более глубокий философский смысл.

Отношение лирического героя к собеседнику определяется в стихотворении коннотациями приведенных выше обращений, прямыми эксплицитными оценками

(Ты одна мне помощь и отрада,

Ты одна мне несказанный свет),

а также косвенными эмоционально-оценочными характеристиками:

Пусть струится над твоей избушкой

Тот вечерний несказанный свет.

В то же время отношение лирического героя к матери не столь идиллично. В чем-то он стоит на ступеньку выше в своем восприятии действительности. У него есть своя линия поведения, своя точка отсчета, которые позволяют давать матери советы:

НЕ БУДИ, НЕ ВОЛНУЙ, НЕ УЧИ МОЛИТЬСЯ.

Характеристики матери в стихотворении скупы, как скупое внешнее проявление чувств крестьянина: ТАЯ ТРЕВОГУ, ЗАГРУСТИЛА ШИБКО, ЧАСТО ХОДИТ НА ДОРОГУ В СТАРОМОДНОМ ВЕТХОМ ШУШУНЕ (своеобразный символ мира прошлого); ей ВИДИТСЯ, БУДТО КТО-ТО В КАБАЦКОЙ ДРАКЕ САДАНУЛ ПОД СЕРДЦЕ сыну ФИНСКИЙ НОЖ; БУДИТ СЫНА НА РАССВЕТЕ; УЧИТ его МОЛИТЬСЯ.

Эта парадигма возбуждает в сознании читателя ряд “предметных” образов, относящихся к миру прошлого, который одновременно и отрицается лирическим героем, и является его идеалом.

ДОМ – РОДИНА – МАТЬ – понятия, слитые воедино в сознании лирического героя. Их объединение происходит, в частности, за счет трансформации свободного словосочетания НЕСКАЗАННЫЙ СВЕТ НАД ИЗБУШКОЙ в метафору ТЫ (мать) ОДНА МНЕ НЕСКАЗАННЫЙ СВЕТ.

Мир истоков представлен в стихотворении в имплицитной форме: НИЗЕНЬКИЙ ДОМ, БЕЛЫЙ САД, который ПО-ВЕСЕННЕМУ РАСКИНЕТ ВЕТВИ, НЕЖНОСТЬ лирического героя. Интегральным признаком данной парадигмы является ПЕРВОЗДАННОСТЬ, НЕТРОНУТОСТЬ, ЦЕЛЬНОСТЬ и одновременно ВЕТХОСТЬ и СТАРОМОДНОСТЬ, как шушун матери. Отсюда и двойственность отношения к истокам, и усиление трагизма существования лирического героя.

Обращение к матери в восьмой строфе И МОЛИТЬСЯ НЕ УЧИ МЕНЯ, усиленное с помощью НЕ НАДО!, видимо, имеет более обобщенный смысл. Отношение к молитвам – это во многом отношение к истокам вообще, отрицание их, подготавливающее конечный вывод, который вытекает из развития философской линии стиха:

К СТАРОМУ ВОЗВРАТА БОЛЬШЕ НЕТ.

Этим трагическим выводом завершаются поиски лирического героя возможности возвращения к истокам, к миру былого. Но уже в следующих строках этот решительный вывод вновь подвергается сомнению, т.к. выражение любви к матери, с одной стороны, выделяет ее из мира истоков, с другой – обещает поиск новых путей единения с былым.

Воспоминания о деревне, мотив возвращения по пути к истокам неразрывно связаны в сознании лирического героя с родным рязанским говором (ШУШУН, ШИБКО), просторечиями (САДАНУЛ, БРЕДЬ и др.). Вспоминая о доме, лирический герой как бы оказывается в родной языковой стихии.

Стихотворение характеризуется разговорной стилевой доминантой, соответствующей эпистолярному стилю. Слова со сниженной стилистической окраской образуют частную парадигму, характеризующую мир недавнего прошлого лирического героя: КАБАЦКАЯ ДРАКА, САДАНУЛ ФИНСКИЙ НОЖ, ГОРЬКИЙ ПРОПОЙЦА и т.д.

Развитие основной антиномии осуществляется по классической композиционной схеме: интродукция (первая строфа), завязка (вторая строфа), нарастание с кульминацией в предпоследней строфе и развязка-вывод, спад эмоционального напряжения в последней строфе. Развитие эмоционального напряжения связано прежде всего с лексическими средствами:

2 строфа – начало нарастания: ТАИТЬ ТРЕВОГУ, ШИБКО ЗАГРУСТИЛА;

3 строфа с локальной эмоциональной кульминацией в конце: ВЕЧЕРНИЙ СИНИЙ МРАК, КАБАЦКАЯ ДРАКА, САДАНУЛ НОЖ;

4 строфа – высокая степень эмоциональной напряженности: ТЯГОСТНАЯ БРЕДЬ, ГОРЬКИЙ ПРОПОЙЦА, УМЕРЕТЬ;

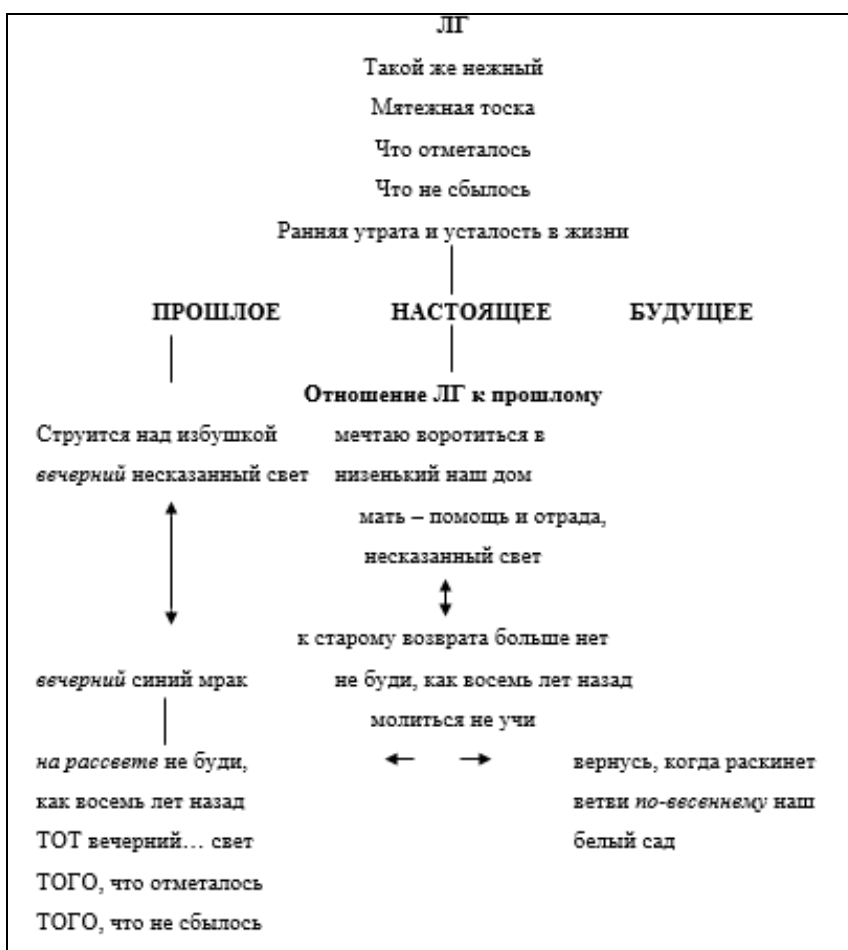
5 строфа – спад напряженности: НЕЖНЫЙ, МЕЧТАЮ ВОРОТИТЬСЯ В ДОМ и одновременно ТОСКА МЯТЕЖНАЯ – подкрепление эмоциональной напряженности предшествующей строфы, эмоциональная связь с нею;

6 строфа – первые две строки поддерживают 5 строфу, затем происходит усиление ноток надрыва, проходящее через всю 7 строфу с кульминацией во второй строке 8 строфы: НЕ БУДИ, НЕ ВОЛНУЙ, ОТМЕЧАЛОСЬ, НЕ СБЫЛОСЬ, ИСПЫТАТЬ В ЖИЗНИ УТРАТУ И УСТАЛОСТЬ, НЕ УЧИ МОЛИТЬСЯ – К СТАРОМУ ВОЗВРАТА БОЛЬШЕ НЕТ;

Вторая половина 8 строфы и 9 строфа – спад эмоциональной напряженности, развязка: ПОМОЩЬ И ОТРАДА, НЕСКАЗАННЫЙ СВЕТ, ЗАБУДЬ ПРО СВОЮ ТРЕВОГУ, НЕ ГРУСТИ, НЕ ХОДИ НА ДОРОГУ.

Таким образом, основная антиномия, являющаяся основной движущей силой развития лирического сюжета, не находит в стихотворении разрешения, остается болевой точкой для лирического героя и становится предметом анализа в дальнейшем творчестве С. Есенина.

Итак, связность проанализированного текста заключается в формировании частных парадигматических систем и их объединении в одну гиперпарадигму текста. Представим в виде схемы часть связанных между собой в парадигмы «предметных» образов, которые в свою очередь объединяются в гиперпарадигму всего текста.

Таким образом, связность текста как одна из основных его характеристик по-разному рассматривается в рамках различных лингвистических подходов, в частности – структурального и функционального. С точки зрения структурального подхода связность определяется логическими, грамматическими и прочими связями между единицами текста (например, сверхфразовыми единствами, по И.Р. Гальперину) в синтагматике. С функциональной точки зрения связность формируется парадигматическими связями на образно-понятийном (неязыковом) уровне между “предметными” образами, которые генерируются в сознании реципиента вербальными образами, как правило, не связанными синтагматически на языковом уровне. Собственно лингвистические характеристики текстовых единиц (например, семантика местоимения ТОТ, формы императива, смена стилевых тональностей и т.п.) участвуют в формировании парадигм наряду с “предметными” образами в том случае, когда они могут проявлять свои содержательные свойства на образно-понятийном уровне.

Эти различия определяются различными подходами к решению вопроса о связи в содержании текста языковых и мыслительных единиц.

Л и т е р а т у р а :

1. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 143 с.
2. *Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1981. – 367 с.
3. *Правдин М. Н.* Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке / М. Н. Правдин. – М. : Вдохновение, 1991. – 231 с.
4. *Скоробогатова Е. А.* Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики / Е. А. Скоробогатова. – Х. : НТМТ, 2012. – 480 с.
5. *Степанченко И. И.* Функционализм как альтернативная лингвистическая парадигма / И. И. Степанченко. – К. : Українське видавництво, 2014. – 200 с.

R e f e r e n c e s :

1. *Gal'perin I. R.* Tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research] / I. R. Gal'perin. – М. : Nauka, 1981. – 143 s.
2. *Karaulov YU. N.* Lingvisticheskoye konstruirovaniye i tezaurus literaturnogo yazyka [Linguistic construction and thesaurus of the literary language] / YU. N. Karaulov. – М. : Nauka, 1981. – 367 s.
3. *Pravdin M. N.* Problema abstraktnogo i konkretnogo v myshlenii i yazyke [Problem of abstract and concrete in thinking and language] / M. N. Pravdin. – М. : Vdokhnoveniye, 1991. – 231 s.
4. *Skorobogatova Ye. A.* Grammaticheskiye znacheniya i poeticheskiye smysly: poeticheskiy potentsial russkoy grammatiki [Grammatical meanings and poetic meanings: the poetic potential of Russian grammar] / Ye. A. Skorobogatova. – KH. : NTMT, 2012. – 480 s.
5. *Stepanchenko I. I.* Funktsionalizm kak al'ternativnaya lingvisticheskaya paradigm [Functionalism as an Alternative Linguistic Paradigm] / I. I. Stepanchenko. – K. : Ukraïns'ke vidavnitstvo, 2014. – 200 s.

Степанченко І. І. Про парадигматичну зв'язність тексту з позицій функціоналізму (на матеріалі вірша С. Єсеніна “Письмо матери”).

У статті розглядається зв'язність як основна текстова категорія, що визначає в функціональному аспекті формування змісту в акті реценції. Зв'язність тексту має парадигматичний характер, оскільки читач під час сприйняття змінює структуру тексту, переходячи від мовної синтагматики до образно-поняттєвої парадигматики. На матеріалі вірша С. Єсеніна “Письмо матери” показано процес об'єднання “предметних” образів у парадигму й утворення зв'язків між окремими парадигмами в гіперпарадигмі цілого тексту.

Ключові слова: зв'язність, функціоналізм, парадигма, “предметні” образи, образно-поняттєві зв'язки.

Stepanchenko I. I. On Paradigmatic Connectivity of Text From Standpoint of Functionalism (Based on Yesenin's Poem "Letter To Mother").

The article considers connectivity as the main text category that defines the functional aspect of the content formation in the act of reception. The connectivity of the text has a paradigmatic character, since the reader changes the structure of the text during the perception, moving from linguistic syntagmatics to figurative-conceptual paradigm. Based on the essay of S. Esenin "Letter to the mother" the process of uniting "objective" images in the paradigm and the formation of links between individual paradigms in the hyperparadigm of the whole text has been shown.

Keywords: connectivity, functionalism, paradigm, "objective" images, figurative-conceptual connections.

УДК 81'22=162=111

Tyshchenko O. V.
Lviv State University of Life Safety

**POLISH AND ENGLISH SEMANTIC DERIVATION
OF HANDICRAFT TERMINOLOGY CONTRASTED
(A CASE STUDY OF INTERLINGUAL TRANSLATION EQUIVALENTS
OF WEAVING TERMINOLOGY)**

Secondary metaphorical naming units mostly correlate with anatomical terms (parts of human body, partitive motivators connected with human body parts), more seldom – with anatomical derivatives motivated by location, associative rethinking of the top (appliance or raw material, e.g. flax, its bolls) as a part of the head of a human. Anthropocentric metaphors of weaving (somatic terms – eye, hand, ear, tongue, back) designate tools and appliances, and varieties of fabric / cloth (in two-component terms); here metaphorical character is registered in an attributive-concretizing component of a substantive terminological unit related to a hyperonym. Associative-terminal motivation of weaving lexemes is limited by quantitative-qualitative naming units connected with numeral characteristic of the object, rarely – by color nomination on the whole, or with a certain semantic concretization.

Artifact metaphors – names of household objects, premises, clothes, headwear, elements of the inner space of a dwelling (window), spatial names, and names of containers – often serve as the donor sphere for nomination of weaving and spinning realia in the technology of production of woven fabric. Sometimes the basis for transfer of meaning is a trite zoomorphic (phitomorphic metaphors are represented by only one unit) term, which is accompanied by attributive metaphorical evaluative qualifiers blind, dead, deaf, live, kind etc. in two-component terms; more seldom the standard for comparison is coupled subjects of consanguineal and affinal kinship and close to them denotata. The sphere of mentafacs (religious names) practically does not function in weaving nomenclature.

Keywords: cognitive nature of term, frame modelling, motivational structure of term, secondary nomination, metaphor, metonymy, partitiv, metronim, utensils.

Studies of special subject fields, especially those devoted to the clarification of language specificity of ancient crafts, artifacts, and professional language of communication are topical today, considering new challenges of "multilinguocultural communication environment which causes intensification and complexity of the process of special language texts creation under the pressure of new phenomena, particularly, the increase in demand for specialized translation in the global society, the dynamic development of modern terminological systems, and the growth of volume and professional level of specialized texts" [8, p. 3]. With the aim to study innovative terminological systems connected with weaving nomenclature in the newest sci-tech lexicons, it is appropriate to turn to the origins and cultural- epistemological sources of archaic layers of material culture and to compare